

ГОРОДСКАЯ СЕМЬЯ В РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. В статье раскрываются тенденции изменения современной городской семьи в России, показывается роль основных факторов, стимулирующих этот процесс. Объясняется проявление как общих (глобальных), так и специфических для России закономерностей изменения семьи, ее размера, состава, семейно-брачных отношений. Подчеркивается, что трансформация российской семьи произошла в период слома в политической и экономической жизни России. Обращается внимание на необходимость дальнейшего исследования тех огромных перемен в характере формирования российских семей, которые все еще недооцениваются и воспринимаются скорее как временные аномалии.

Ключевые слова: городская семья, тенденции изменения, основные факторы, семейно-брачные отношения.

Феномен семьи привлекал внимание ученых во все времена. Ф. Энгельс писал, что общественные формации отличаются прежде всего производством людей¹. А «производство людей» предполагает отношения между мужчиной и женщиной, которые могут перерасти в устойчивый союз, в создание семьи. Ф. Энгельс отмечал значение семьи в наследовании. Эта проблема не потеряла своей актуальности. Хотя при применении генной инженерии (экстракорпоральном оплодотворении, да еще и с использованием донорства) формально могут возникнуть вопросы, касающиеся отцовства, материнства, кровного родства. Все меняется в мире, и такой, казалось бы, очевидный, всем понятный институт, как семья, тоже не остается неизменным.

В современной России, где 73% населения живет в городах, тенденции трансформирующейся семьи легче уловить именно на примере городской семьи. особенно на примере Санкт-Петербурга — города, в котором новые демографические процессы дают о себе знать в первую очередь. Можно смело сказать, что Санкт-Петербург представляет своего рода модель городского населения России. Но это вовсе не означает, что все то, что зарождается в Санкт-Петербурге, распространится в неизменном виде на другие города. При активной

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф.; Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М.: Политиздат, 1986.

демографической политике одни тенденции могут быть поддержаны, а другие — скорректированы и направлены в иное русло.

В России в силу централизации власти, мобилизационной экономики и социальных потрясений развитие семьи происходило, можно сказать, «в предложенных обстоятельствах». Это не могло не сказаться на способах формирования семьи, отношениях между мужчиной и женщиной, родителями и детьми, межпоколенных связях.

Последнее потрясение российской семьи было спровоцировано переходом к рыночной экономике. Как отмечает Сергей Захаров: «Едва ли кто-либо сомневается в революционной сущности перемен, произошедших за последние 15 лет в политической и экономической жизни России. А вот огромные перемены в характере формирования российских семей все еще недооцениваются: если их вообще замечают, то воспринимаются они, скорее, как временные аномалии или нежелательные мутации, требующие корректировки методами социальной инженерии»².

Слому стереотипа поведения «знакомство—заключение брака—рождение детей» существенно способствовало возникновение в России рынка жилья. Возникли и получили распространение новые формы отношений — добрачные союзы, и появилась возможность их реализации на базе аренды жилья. То, о чем писали как о чуждых нам процессах, которые относятся к «буржуазной» семье³, начало проявляться в первые же постперестроечные годы и заставило задуматься над тем, так ли уж случайны для нас эти тенденции: рост доли неполных семей, незарегистрированных союзов, нарастание малодетности, сознательный отказ от регистрации брака (т.н. материнские семьи), нуклеаризация семьи.

Демографический портрет брачности

С начала 1990-х годов демографический портрет российской брачности претерпел значительные изменения. Средний возраст жениха увеличился более чем на два года (с 23,9 в 1992 г. до 26,1 в 2005 г.), а невесты — почти на два года (с 21,7 до 23,3). Это существенные сдвиги, которые нельзя недооценивать: изменение возраста вступления в брак приводит к постепенному сдвигу всего календаря демографических событий.

² Захаров С.В. Новейшие тенденции формирования семьи в России / Мир России, 2007, № 4, с.73.

³ Фатеева Е.В. Семья в современном буржуазном мире. М.: Мысль.1988.

Семейно-брачное состояние

Общая интенсивность заключения браков в возрастах до 25 лет и у мужчин, и у женщин снизилась в 2 раза.

Никогда не состояли в браке к 25 годам (на 1000 чел.)		
Категории	1989	2002
мужчины	595	736
женщины	335	526

Увеличение возраста вступления в брак, так же как и снижение интенсивности заключения браков имеют в основе распространение партнерских отношений.

Новая категория для характеристики семейного состояния — брачное партнерство — включает в себя два основных состояния: зарегистрированный брак (формальный союз) и незарегистрированный брак (неформальный союз). Партнеров связывают устойчивые отношения, предполагающие наличие сексуальной близости. В последнее двадцатилетие партнерские отношения распространились и в России.

К 20 годам имеют партнера 32% мужчин и 48% женщин;

к 25 годам — 61% мужчин и 71% женщин;

к 30 годам — 76% мужчин и 88% женщин.

При дальнейшем повышении возраста доля женщин, имеющих партнера, снижается, доля мужчин — повышается, вплоть до 50 лет, когда она достигает 94%.

К 50 годам каждая четвертая женщина не имеет спутника жизни, а к 60 годам доля одиноких женщин достигает 50 %.

В возрасте 20–24 года сегодня почти каждый третий мужчина и почти каждая четвертая женщина проживают со своим партнером раздельно.

Среди 25–35-летних доля таких союзов составляет примерно 10% (причем это могут быть и зарегистрированные браки)⁴. Это свидетельствует о возникновении совершенно новых отношений между полами. По данным американских социологов незарегистрированные браки распределяются в основном между молодежью до 30 лет (т.н. пробные браки) и пожилыми (60 лет и старше).

Традиционная («нормальная») семья не исчезла, но наряду с ней появилось много других форм. Возрастает вариативность российских

⁴ Социальное и демографическое развитие России. Доклад ЮНФПА. М. 2010. С. 67.

семей. Это не означает «неправильного» поведения людей, изменяются сами нормы поведения⁵.

Новые тенденции в семейной аранжировке пытаются отразить статистики в таких традиционных массовых обследованиях, как перепись населения. В программе Всероссийской переписи населения 2010 г. брачное состояние отражается следующим образом:

Ваше состояние в браке:

- Состою в браке
 - Брак зарегистрирован: - да
 - нет
- Разведен официально (развод зарегистрирован)
- Разошелся(-лась)
- Вдовец (вдова)
- Никогда не состоял (а) в браке

Эти подсказки должны обеспечить выбор надлежащего варианта ответа и, в конце концов, дать возможность раскрыть вариативность российской семьи.

Согласно данным ВПН-2002, традиционная семья сохраняет доминирующее положение. Об этом свидетельствует распределение мужчин и женщин по состоянию в браке в Санкт-Петербурге:

Из состоящих в браке (в %)	мужчины	женщины
состоят в зарегистрированном браке	93,2	93,1
состоят в незарегистрированном браке	6,8	6,9

То, что происходило с семьей в России долгое время, мало кого интересовало. К тому же практически единственным источником данных для анализа размера, состава, структуры семей являются материалы переписей населения, которые, как известно, проводятся не чаще, чем один раз в 10 лет. Очевидно, что наблюдаемые тенденции снижения рождаемости, нуклеаризации семей, распространения неполной и материнской семей, роста доли одиночек не могут пролонгироваться на сколь угодно длительный период. Этим тенденциям противостоит популяционное самосохранение, которое отчасти находит выражение во влиянии миграции, которая очевидна в крупных городах. Особый

⁵ Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. Санкт-Петербург, ТОО ТК «Петрополис», 1998.

режим воспроизводства мигрантов, традиций межпоколенных связей, поддержание этнических связей и создание национальных анклавов в современных российских городах, а также занятие представителями какой-либо национальности определенных профессий являются реалиями сегодняшнего дня и, по-видимому, будущего.

Рыночной экономике феномен семьи малоинтересен: нужны здоровые, хорошо образованные работники с рациональным мышлением и поведением, а семья — это нечто эфемерное, иррациональное, создающее помехи. Семья не является в настоящее время главной темой социологических исследований. Подполе социологии семьи фрагментируется, и нет единой теоретической парадигмы, которая могла бы объединить проблемы семьи, брака, сексуальности и интимности.

Интеллектуальный парадокс состоит в том, что, в то время как воспроизводство является одной из (если не самой важной) социальной функцией человеческого общества, не ясно, что точно конституирует социологию семьи.

Чтобы дать адекватное определение семьи, поучительно рассмотреть диапазон мнений в классической социологии.

В целом оценка роли семьи развивалась от понимания ее как краеугольного камня собственности, власти и домохозяйства к представлению о семье как системе более или менее устойчивых отношений для сексуального удовлетворения и эмоционального товарищества.

Традиционная семья была, очевидно, занята организацией сексуальных отношений, удовлетворением сексуальных потребностей и воспроизводством общества через биологические процессы сочетания браком и прокреации. В дополнение к этим относящимся к воспроизводству функциям, семья была исторически контекстом для организации экономического производства, социального разделения труда, распределение собственности, передачи культуры и социализации детей. Экономика в традиционных обществах не была дифференцирована от домохозяйства, и, следовательно, экономика была просто управлением (*nomos*) домохозяйства (*oikos*). Семейная единица в пределах домохозяйства комбинировала экономическое производство и биологическое воспроизводство. Перед развитием современного государства всеобщего благоденствия семья была также значима в условии обеспечения благоденствия его членам, особенно заботы о пожилых. Выполнение этих социальных функций установило семью как основной институт общества.

Несмотря на то, что некоторые авторы пытаются определить семью в терминах функции, оказалось, что эти функции варьируют между различными обществами, и нет никакой центральной функции, которую все общества делегируют семье.

Семья предварительно может быть определена как группа взаимодействующих личностей, которые признают социальные отношения, включающие общее происхождение, брак и/или принятие.

Это определение привлекает внимание к факту, что, в то время как биологические отношения важны в определении семейного членства, реальной проблемой является признание семейных отношений.

В социологии семьи и родства важно признать различие между значением «крови» и «брака».

Кровное родство производится актом половых сношений, приводящим к появлению потомства, которое может быть признано или нет, но легитимизируется самим сексуальным союзом. В отличие от этого, брак является юридическими отношениями, существующими между людьми, к которым присоединяются формальная брачная церемония или религиозный ритуал. В исторических терминах брак был институтом, который в конечном счете регулировал сексуальные отношения. В то время как брак может быть закончен через разделение и развод, отношения «крови» не могут быть так легко расторгнуты.

В большинстве современных обществ развестись относительно легко, но биологический статус родителя расценивается как более или менее постоянный. Это различие подкрепляет идею здравого смысла, что «кровь гуще воды», поэтому социальные обязанности биологических отношений не могут легко игнорироваться или отклоняться.

В классической социологии семья была ключевым институтом в легитимизации требований собственности происхождением, и, следовательно, устойчивые семейные отношения были признаны как основа общественного строя и политического авторитета.

Важная социологическая суть здесь — то, что брак как комбинация сексуального союза и социализации существует только в отношении других социальных групп вне брака. Законное рождение в пределах устойчивых брачных отношений было важно только относительно прав собственности в пределах системы родства. Сексуальная исключительность была обязана защищать политическую стабильность домохозяйства и мирного распределения выгод и труда в пределах домохозяйства.

Признав политические и экономические функции традиционного домохозяйства, мы можем дать более сложную оценку характеристик семьи⁶. В конвенциональных терминах семья включает:

1. Супружеские отношения.
2. Форму брака или другой институциональной аранжировки, в соответствии с которой супружеские отношения устанавливаются и подтверждаются.
3. Систему терминологии, включая также способ счета происхождения.
4. Некоторые экономические потребности, связанные с рождением ребенка и воспитанием детей.
5. Общее жилье, дом или домохозяйство, которое, однако, может не соотноситься исключительно с членами семьи.

Подобный список квазипеременных обеспечивался в описании Goode множественных функций семьи. Это фертильность (которая может быть низкой или высокой); размещение членов семьи в системе стратификации в терминах приписанного и позициях приобретенного социального статуса; биологическое обслуживание семьи; социализация детей в терминах степени и эффективности обязательств родителей; эмоциональное обслуживание и психологическая безопасность для индивида; и наконец — осуществление социального контроля, особенно сексуальный контроль и над взрослыми и над детьми⁷.

Этим конвенциональным определениям семьи бросили вызов в современной социологии, ибо стало ясно, что семья не является исключительно важной для экономической, репродуктивной и эмоциональной жизни индивидов в современном обществе.

Модерное домохозяйство больше не выступает экономической единицей производства. Фактически, модерное домохозяйство является единицей потребления сервисов и выгод, которые производятся вне семьи. Поскольку воспроизводство больше не связано тесно с законным владением собственностью, нарастающее число детей рождаются вне брака, и их «незаконность» больше не клеймится строго. Брак часто обосновывается в терминах дружеского общения (компаньонства), а не воспроизводства, и многие люди находят эмоциональное и сексуальное удовлетворение вне семейной жизни.

⁶ MacIver R.M. Society: A Textbook in Sociology. 1937, p.197.

⁷ Goode W.J. World revolution and family patterns. Chi. 1963, p.188—189.

Ретроспективно дебаты о брачной и семейной жизни в двадцатом столетии вращались вокруг так называемого комплекса романтической любви, в котором любовь является основной мотивацией для брака, а интимность — основой брачного счастья.

Соотнесенность брака и любви является полностью современным явлением. В средневековой Европе существовала контрадикция между страстной любовью и институтом брака⁸. Брак был по существу контрактом между семьями, узаконивающим половые сношения, чтобы гарантировать непрерывное владение и распределение собственности через новые поколения.

В традиции Изысканной Любви страстные отношения вела иррациональная романтическая привязанность, которая была базисом противоинститута, а именно, романтическая традиция предполагала супружескую неверность⁹.

Модерные браки представляют революционную трансформацию этого традиционного паттерна, потому что они пытаются базировать брак на романтической привязанности и утверждать брак на основе взаимной интимности. Любовь, а не экономическое партнерство или семейный союз становится первичным оправданием брака, следующего за романтическим ухаживанием¹⁰.

Акцент на романтической любви перемещает главные эмоциональные трудности в брачную пару, потому что супруги посвящают себя выполнению высоких экспектаций интимности и сексуального вознаграждения. Искренность, доверительное и эмоциональное удовлетворение являются нормами идеального брака, но они заканчиваются (как это ни парадоксально) широко распространенным брачным несчастьем, потому что эти высокие нормы романтической интимности труднодостижаемы. Высокие экспектации обязательно производят больше разочарования в браке. Результатом является парадоксальная ситуация одновременно и высокой брачности, и высокой доли прелюбодейния, и высоких уровней повторного брака, и обширных внутрисемейных конфликтов между поколениями¹¹.

⁸ *Rougemont D. de. The Crisis of the Modern Couple // Family, Function, and Destiny / Ed. R.N. Anshen. N. Y., 1949.*

⁹ *Lewis C. The Allegory of Love: A Study in Medieval Tradition, 1936.*

¹⁰ *Luhmann N. Sozio-logische Aufklärung. Bde. 1–6. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1986.*

¹¹ *Davis K., Blake J. Social Structure and Fertility: An Analytic Framework // Economic Development and Cultural Changes. 1956. Vol. 4. P. 211.*

Разделение экономической активности и воспроизводства в пределах семьи — самое значимое социальное изменение в семейной жизни, которая является условием для появления компаньонатных отношений.

Случаи сохранения первородства как основного способа наследственного экономического накопления приводят к тенденции жесткого контроля женщин для гарантирования легитимации, безопасности и стабильности наследования.

В современной семье связь между экономическим накоплением и законным воспроизводством была разрушена модернизацией экономики, разделением владения и контроля производства.

Выживание семьи в двадцать первом столетии будет зависеть от ее места в этом романтическом комплексе любви как социальной аранжировки удовлетворения сексуальных потребностей и эмоционального дружеского общения (компаньонства), а не как института, существующего для производства детей и организации домашней экономической активности.

Центральная проблема, стоящая сегодня перед социологией семьи, — факт, что в вышедшем из-под контроля мире сами основные категории становятся неясными и несфокусированными. Таким образом, социология, которая занимается «семьями», должна (как социология вообще) вновь искать основы семьи.

Метафора мира, «вышедшего из-под контроля»¹², указывает на радикальное социальное изменение или, скорее, на *метаизменения современности*, в которых основы и координаты самого изменения подвергаются изменению. Мы обращаемся к этой исторической самотрансформации модернизировать в пределах теории рефлексивной модернизации¹³. Как в этой теоретической системе взглядов понять историческую трансформацию семейной жизни и социологических категорий семьи?

Индивидуализация: автоматическое уравнивание обществ с коллективами становится сомнительным при условиях «институционализированной индивидуализации». Этот термин обозначает двойную тенденцию¹⁴.

¹² См.: Giddens A. Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives. London: Profile. 1999; Гидденс, Э. Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В.А. Ядов; общ. ред. Л.С. Гурьевой, Л.Н.Посилевича. — М.: Эдиториал УРСС, 1999.

¹³ Beck U. & Giddens A. & Lash S. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Cambridge: Polity Press. 1994.

¹⁴ Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized Individualism And Its Social And Political Consequences by Sage Publications (ca), Hardcover - 02-2002.

С одной стороны, традиционные социальные связи, отношения и системы веры, которые имели обыкновение формировать жизни людей самым тщательным способом, сегодня все больше теряют свое значение. От семейной единицы и деревенского комьюнити через регион и религию к классу, профессии, и гендерной роли — то, что однажды задавало систему взглядов и правил повседневной жизни, начинает рушиться. Для индивида это приносит исторически новые свободные пространства и варианты: он может и должен, она может и должна теперь решать, как сформировать свою собственную жизнь (по крайней мере, в определенных пределах).

В то же самое время (и это другая сторона индивидуализационной динамики) люди зависят от институтов, которые возникли с модерным обществом, типа трудового рынка и гражданства, системы образования, юридической системы, социального обеспечения и так далее.

Эти институты производят свои собственные правила — требования, инструкции, которые теперь адресованы преимущественно индивиду, не семье в целом. И критическая особенность этих новых форм регулирования — то, что они призывают индивидов жить «собственной жизнью», вне связи с семьей или другим группам, и фактически убеждают их вырываться на свободу от таких связей и действовать, не принимая их во внимание. Новые институты требуют активного поведения и направленной на себя жизни. Но это предполагает вопрос: что случится, когда спираль индивидуализации продолжит раскручиваться? Что тогда случится с семьей?

Третья индустриальная революция приносит в экономику и трудовой рынок, ненадежность и в публичной, и в приватной сфере.

Явления, которые дополняли и укрепляли друг друга совсем недавно (полная занятость, гарантируемая пенсия, высокооблагаемый налогом доход, свобода политических действий в национальной правительственной политике), теперь изменились. Занятость становится гибкой и сомнительной; основные принципы государства всеобщего благоденствия перестают применяться; риски распределяются так, что ими больше не занимаются государство и экономика, сдвигая их на индивидов и семьи.

Если мы суммируем схематически обрисованное, то можем определить, что рефлексивная модернизация означает для семьи. Первое модернизировать устанавливало определенные основы, границы и модели семьи, которые были сразу культурными, социальными, политическими, связанными с классом, юридическими и биологическими. Се-

годня, однако, они частично распадаются и уступают необязательным выборам, так, что в игру вступают конкурирующие требования, и различным властям, институтам и индивидам нужно договариваться и согласовывать конфликтующие интересы.

Второе модернизируется, когда рефлексивность одерживает победу над рефлексией: то есть когда процесс модернизации становится рефлексивным и интерпретирует устаревшие самообразы и модели модернизировать (в нашем случае — модернизировать семейной жизни).

Мы должны различать самописание и описание другими¹⁵. Тезис мета-изменения семьи следует рассматривать на трех уровнях:

- первый относится к повседневным жизненным мирам, к моделям оценок и поведения или, другими словами, к *социальному самописанию*;
- второй относится к политике и праву, к их нормам и руководящим принципам или, другими словами, к *политическому описанию* другими;
- третий относится к социологии и ее объяснительным моделям, категориям и исследовательским теориям, то есть к перспективе *социологического наблюдателя* (описание другими).

Индивидуализация семьи

Индивидуализация в очень общем смысле — процесс, в ходе которого люди освобождаются от связей предзаданности социальных отношений и систем веры — несомненно существовала в предыдущих эпохах. Ранние исторические фазы индивидуализации обнаруживаются в Ренессансе, в изысканной культуре Средневековья, во внутреннем аскетизме протестантизма, в эмансипации крестьянства от феодальной неволи и в ослаблении межпоколенческих семейных связей в девятнадцатом веке и в начале двадцатого столетия.

Что тогда нового и отличительного в индивидуализационных процессах сейчас?

То, что они приобретают не только новую шкалу, но и новую форму — форму *институциональной индивидуализации*¹⁶. Ключевым моментом здесь выступает структурная трансформация социальных институтов, которая устанавливает новые отношения между индивидом

¹⁵ Luhmann N. Sozio-logische Aufklärung. Bde. 1–6. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1995. P.171–186.

¹⁶ Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized Individualism And Its Social And Political Consequences by Sage Publications (ca), Hardcover - 02-2002.

и обществом; теперь индивид впервые в истории становится основной единицей социального воспроизводства.

Индивидуализация в этом смысле означает не просто субъективный феномен, например изменение в идеях людей, пожеланиях или надеждах по отношению к признанным объективным социальным структурам, типа классов, семей или гендерных ролей. Нет, индивидуализация *является* парадоксальной социальной структурой современности. Центральные институты Западного мира теперь обращаются к индивиду, а не к коллективу или к группам. Система образования, тенденции трудового рынка, карьеры, работы, рынки вообще индивидуализируют структуры, индивидуализируя институты, выступая «двигателями» индивидуализации.

В таких условиях индивидуализация становится открытым, высоко амбивалентным процессом. «Нелинейная» индивидуализация — структура, которая не *воспроизводит*, но *преобразовывает* себя, предписывая биографии, полные риска и сомнительной свободы. Происходят не просто изменения семьи, но метаизменения — не изменения в пределах данных структур и моделей, но изменения самих структур и моделей.

До 1960-х существовала одна общепринятая модель семьи в Западных обществах, к которой жизни людей приближались более или менее близко согласно их материальным обстоятельствам, социальному классу, религии, региону и так далее. Эта *нормальная семья* состояла из взрослой пары и их собственных детей; взрослые были разнополы, состояли в браке и оставались в нем, пока смерть не разлучала их. Существовало своего рода разделение труда: муж-кормилец работал, а жена отвечала за дом и семью. Конечно, и в те дни были возможны другие образцы жизни, которые индивиды могли или выбирать сознательно (если они были достаточно смелы), или под давлением обстоятельств. Принципиально, однако, что они маркировались как *девиантные* формы; люди вступали в них весьма редко, обычно не предавая этот факт широкой огласке. То есть процессы изменения оставались в пределах относительно узких границ — или, скорее, они не выходили за рамки модели.

Хотя изменения в приватной сфере, конечно, происходили и раньше, но институционализированные структуры, экспектации и модели не ломались, оставались на месте. Вообще говоря, это было верно для всех трех уровней — в самоописании повседневной жизни членов семьи, в самоописании в праве и политике и в языке социологического наблюдателя. Поскольку образы семьи на разных уровнях были согласованы, то они фактически подтверждали и укрепляли друг друга.

Что же происходит сейчас? Очевидно, что «нормальная» семья не исчезла, но имеет рядом много других форм, да и сама «норма» потеряла большую часть своей силы. В последние годы обнаруживаются изменения и в семейном поведении, и в том, что понимается под семьей. Следовательно, релятивизируются понятия «норма» и «не норма». Важно, не только то, что «отклонения» встречаются с большей, чем когда-либо, частотой, но что прежде «ненормативные» формы совместного проживания теперь стали нормальными и приемлемыми. Этот модельный сдвиг делает отклонения нормальной вещью. Другими словами, теперь утверждается нечто намного большее, чем простое разнообразие; это — нормализация разнообразия и в семейном законодательстве, и в образах и самоописаниях членов семьи, и с точки зрения социологии.

Метаизменения в повседневной жизни

Разнообразие образов жизни очевидно в повседневном поведении. Ряд авторов отмечает, что сегодня наблюдается «намного большая степень разнообразия в семейных и домашних аранжировках, чем в течение большей части двадцатого столетия»¹⁷.

Это можно проиллюстрировать на примере событий, из которых обыкновенно составляли так называемый семейный цикл. Модель надлежащей семьи включала ясно определенную временную последовательность: «любовь—брак—коляска»; во-первых, встреча сердец, во-вторых — союз, заверенный бюро записи актов гражданского состояния и/или церковью, затем, как кульминация любви, — дети. Это было нормой жизни большинства людей.

Эта картина «правильной последовательности» все еще существует в умах многих, и многие живут так. Однако рядом все более открыто и часто появляются иные модели.

Другими словами, прежний, ясно предписанный порядок уступил разнообразию траекторий и моделей.

Понятия семьи и домохозяйства больше не могут быть использованы столь же просто, как раньше. Простой вопрос, кто является членом семьи, теперь поднимает существенные проблемы, которые были незначимы два поколения назад.

¹⁷ Allan G., Hawker S., Crow G. Family diversity and change in Britain and Western Europe // *Journal of Family Issues*/ 2001. 33.22, 819—837, 824.; Beck-Gernsheim E. Reinventing the Family. Cambridge: Polity, 2002; Teachman J.D., Tedrow L.M., Crowder K.D. The changing demography of America's families // *Journal of Marriage and the Family*. 2000. P. 62, 1234—1246.

С нарастающим количеством расставаний и разводов, усложненным далее повторным партнерством, очевидно, что многие родители и дети имеют различные семьи, способами, которые были необыкновенны два поколения назад.

Термин *домохозяйство* содержит диапазон элементов, который заставляет признать проходимость домохозяйственных границ, а не предполагать, что членство может быть категоризировано совершенно однозначно¹⁸.

Членство в семье, как и ее границы, становится неопределенным или неустойчивым в течение долгого времени; люди, вовлеченные в такие отношения, оказываются во власти надежд и разочарований, интересов и требований. Кто видит себя частью пары, домохозяйства или семьи? Как возникают релевантные другие — партнер, родители, дети, сестры, братья? Нет больше одного простого ответа на эти вопросы; каждый имеет свои собственные ответы, которые не всегда совпадают с ответами других.

Эта индивидуализация интерпретаций поднимает значительные методологические и концептуальные проблемы для социологического исследования. Становится неясно, что «объективно» конституирует референтную единицу семейного исследования и как она может быть определена; что должно быть установлено и исследовано, как и в пределах какой перспективы.

Если мужчины и женщины видят себя на вершине чувств, когда живут вместе, то в конце их любви друг к другу описывают свои отношения как краткосрочное сексуальное дело (Trost, 1992: 102); если на простой вопрос типа того, сколько братьев и сестер они имеют, те же самые респонденты дают различные ответы в разное время (кто фигурирует как брат или сестра, варьируется в зависимости от семейной костелляции и типа домохозяйства или организации проживания), то что же и как исследователь упорядочивает, считает и классифицирует?

Там, где семейные отношения являются столь амбивалентными, социологическое исследование сталкивается с двойным вызовом.

С одной стороны, становится важно, чтобы исследователь осознанно слушал респондентов, преднамеренно открывался их интерпретациям. Мы должны признать, что семейная структура имеет больший субъективный компонент, чем мы представляли. Другими словами,

¹⁸ Allan G., Hawker S., Crow G. Family diversity and change in Britain and Western Europe // Journal of Family Issues, 2001. P. 22, 824.

различие между семейными структурами и семейным сознанием больше не продуктивно безоговорочно. Индивидуализация семьи по существу означает, что воспринимаемая индивидом семья *является* семейной структурой, и что, следовательно, и восприятие и структура варьируют индивидуально между членами и в пределах и между «семьями».

С другой стороны, сказанное — еще один аргумент в пользу необходимости поиска социологией семьи новой системы взглядов; иначе ее поле будет потеряно в джунглях субъективных точек зрения.

Метаизменения в социологии

Новая рефлексивность процесса модернизации выражается в факте, что классические самообразы становятся устаревшими, с точки зрения и акторов и социологического наблюдателя. Таким образом, функционалистский язык наблюдения в социологии семьи (который отсылает к Т. Парсонсу — вместе с его предположениями о функциональных предпосылках мужских и женских ролей, родительско-детских отношений и так далее) смягчается множественной рефлексивностью социологии семьи.

Когда феминисты 1960-х и 1970-х начали анализировать семью, они обнаружили перспективу, радикально подвергающую сомнению тогдашнее доминирующее представление. Действительно ли семья является местом отдыха, эмоции и интимности? Нет — был ответ. Семья является также местом работы (женская работа) и местом повседневно насилия и притеснения. Так же как “history”, там была и “herstory”. Там, где был только один брак, были обнаружены два брака: брак мужа и брак жены, частично совпадающие, но также и частично разнящиеся.

Поскольку семьи структурируются полом и возрастом, женщины, мужчины, девочки и мальчики не воспринимают свои семьи одинаково. Феминисты исследовали дифференцирование семейного опыта, мистифицированного прославлением материнства, любви и образа семьи как домашнего приюта. Феминисты обнаружили опыты, которые эта идеология отрицает: мужское господство и женское подчинение в пределах и вне семьи, и присутствие конфликта, насилия, и неравноценно распределенной работы в пределах «домашнего убежища»¹⁹.

¹⁹ Stacey J., Thorne B. The missing feminist revolution in sociology // Social Problems. 1982. Vol. 32. P. 301–316.

Следующая фаза рефлексии и самокритики началась с постепенного подъема мультикультурализма, особенно в США и Великобритании, поскольку представители групп меньшинства возвысили голоса. И тот же самый упрек, который женщины высказывали против мужских исследований женского опыта в обществе — что они были пристрастными, односторонними и искаженными — был теперь перевернут и выдвинут против женского движения.

Более того, это было сделано женщинами групп меньшинств. Белый! Средний класс! Гетеросексуальный! Таковы были обвинения. Самообраз «сестринства» начал ломаться, и обнаружилось разнообразие среди женщин. И представители «черного феминизма» объяснили, почему семья имела весьма различную ценность для них, чем для белых женщин.

Не только феминистские, но и относящиеся к разным культурам перспективы — это вторая линия саморефлексии, эффекты которой энергично встряхнули понимание того, чем является исследование семьи само по себе, и того, что, казалось, было его эмпирической очевидностью.

Два урока должны быть извлечены из этого.

1. Требование объективности часто используется, чтобы директивно установить определения того, что конституирует «надлежащую» семью. Другими словами, нерелексивная социология семьи, которая настаивает на «объективности» ее определений и массовых данных, угрожает стать идеологией.

2. Чтобы понимать социологически изменяющиеся самообразы членов различных подобных семье совокупностей, и таким образом перейти к новым «постсемейным» семейным исследованиям, мы должны учитывать субъективные предпочтения и самовосприятие самих исследователей.

Перспективы

Социология первого модерниста была по существу классификационной социологией, которая концептуально сортировала и пыталась упорядочить условия в пределах системы взглядов методологического национализма. В этом дискурсе семья была категорически определена и эмпирически осознана как «ядро общества» и столп государственного порядка. Отклонения от нормы были ясно отмечены. Но и тогда ключевым вопросом постсемейной социологии семьи становится вопрос: что связывает людей, когда взаимосвязь и сплоченность больше не основываются на наследовании, экономике и формальном браке?

Что означает, когда, с одной стороны, политические деятели апеллируют к «семейным ценностям», материнству и отцовству, а с другой стороны — требуют и торжественно обещают, что каждый должен быть постоянно и целиком доступен на рынке труда?

Что может быть базисом стабильных отношений между двумя эго, если эго базируется *только* на себе? Есть ли предел индивидуализации там, где индивидуализация каждого становится проблемой для другого?

Каковы политические следствия индивидуализации и глобализации семейных констелляций? Изменения в семье осознаются государством и именно с этих позиций как влияющие на изменение численности населения. Последняя характеристика имеет политическую природу и связана с равновесием между численностью населения и мощью государства. Традиционно сокращение численности приводило к падению уверенности страны в собственных силах и проблемам на международной арене. Современные тенденции пока что не слишком отличаются в этом смысле: численность населения РФ в 1991 г. составляла 148,3 млн чел, на 01.01.2009 — 141,1 млн чел, среднегодовой темп снижения численности населения РФ равен 0,3%. И это беспокоит руководство страны. Если эта тенденция сохранится, то в 2030 г. численность россиян составит 139,2 млн человек²⁰. В XX в. завершился период экспансии, начало которому положила промышленная революция. Заканчивается эпоха изобилия человеческих ресурсов и начинается другая, для которой будет характерна их скудость. Эта зарождающаяся тенденция не вполне осознана.

Политика, понятая как парламентская и правительственная, предполагает сосредоточение интересов, и это в свою очередь предполагает относительно ясную и устойчивую социальную структуру вместе с соответствующими элементами и ассоциациями. Концепт интересов (как это понимается в политической теории) предполагает разновидность консолидированного общества, которое становится неясным в условиях индивидуализации и глобализации.

Мы нуждаемся в социологии, которая позволяет нам приводить доводы *в пользу изменения* семейных ценностей перед лицом нападения на *нехватку* семейных ценностей в современном обществе.

Индивидуализированные констелляции комьюнити и семьи больше не могут быть определены и объединены через заданные нормы,

²⁰ Предположительная численность населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области до 2030 г. Статистический бюллетень. СПб.: Петростат, 2010, с. 9.

ценности и иерархии; скорее они должны быть определены через рискованные свободы, и, следовательно, через неинтеграцию. Но больше нет никакой универсальной нормативной модели, которая связывает людей, нет никакого эссенциалистского определения людей: мужчин, женщин, христиан, евреев, чернокожих, мусульман, американцев или китайцев. Культура становится экспериментом, цель которого состоит в том, чтобы обнаружить, «как мы можем жить вместе как равные, но различные».

Изменение рождаемости

Сегодня каждый третий ребенок в России рождается вне брака. В Санкт-Петербурге в 2009 г. вне зарегистрированного брака родилось 23,5% или 12248 чел.

Означает ли, что эти дети растут без отца?

Родились в Санкт-Петербурге в 2009 г.:

В браке	76,5%	Вне брака	23,5%
первыми	59,9%	первыми	66,2%
вторыми	32,6%	вторыми	25,8%
третьими	6,0%	третьими	6,0%

Как свидетельствуют приведенные данные, распространение незарегистрированных браков приводит к снижению рождаемости. На этот феномен обратил внимание В. Архангельский²¹.

Процесс нуклеаризации семей завершился. Но разве это означает, что люди перестали хотеть, чтобы за ними ухаживали их дети или чтобы они принимали участие в воспитании внуков?

Демографический фактор деформации семьи

Ожидаемая продолжительность жизни

Годы	2010		2030	
Территория	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Россия	63,4	75,4	68,5	78,7
Москва	70,2	78,9	74,6	81,6
Санкт-Петербург	67,2	78,1	71,5	80,6

²¹ Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС. 2006.

Источник: Предположительная численность населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области до 2030 г. Статистический бюллетень. СПб.: Петро-
стат, 2010. С. 46–47.

Колоссальным различием в продолжительности жизни мужчин и женщин Россия выделяется среди всех стран мира. И это положение не изменится. Весь груз социальных проблем, прежде всего алкоголизация мужчин, останется с нами и в будущем, что приводит к раннему овдовению.

Защита государства

В 2008 году повысился минимальный размер пособия по уходу за ребенком: пособие на первого ребенка достигает 40% величины прожиточного минимума, на второго — 77%. По достижении возраста 1,5 лет размер пособия составляет всего 4–7 % от величины прожиточного минимума. Российская бедность сохраняет «детское лицо»: риск попасть в группу бедных для семей с двумя и более несовершеннолетними детьми возрастает в два раза и составляет 27–30%.

Опережающая роль изменений в семье

«Семья, — писал Л. Морган, — активное начало; она никогда не остается неизменной, а переходит от низшей формы к высшей, по мере того как общество развивается от низшей ступени к высшей. Напротив, системы родства пассивны; лишь через долгие промежутки времени они регистрируют прогресс, сделанный за это время семьей, и претерпевают радикальные изменения лишь тогда, когда семья уже радикально изменилась»²².

Резюмируем тенденции изменения современной городской семьи:

- нуклеаризация полных семей,
- распространение неполных семей,
- появление материнских семей,
- принятие обществом фактических брачных союзов,
- нарастание малодетности,
- распространение бесплодия,

²² Цит. по: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, честной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М.: Политиздат, 1986. С. 235.

- изменение границ семьи (семья приобретает черты сетевой структуры)²³. Нарастает вариативность семьи.

Исследование сексуальных отношений и формирования семьи — сфера весьма интимная, предполагающая особые методики. К этой проблематике в полной мере можно отнести высказывание Ильи Пригожина: «Я не перестаю восхищаться экономистами и социологами, которые сталкиваются с проблемами ужасающей сложности»²⁴.

²³ Бурмыкина О.Н. Социологические концептуализации семьи: анализ зарубежного и отечественного опыта. (См. настоящий сборник).

²⁴ Пригожин И. Дано ли нам будущее? // Вызов познанию. Стратегии развития науки в современном мире. М.: Наука, 2004. С. 453.